

Порой жизнь гораздо проще, чем нам кажется. Мы рождаемся и умираем, а между этими двумя точками, если нам повезет, смеемся. В силу этого само путешествие обретает какой-никакой смысл.

Фил Данфи, «Американская семейка»

ПРОЛОГ

Эшер

Я мчался быстрее ветра, несся так, как никогда в жизни, хоть и не ставил перед собой такой задачи. Я вообще не слишком хорошо понимал, что делаю или куда направляюсь. Знал только, что должен оказаться вне стен этой душной комнаты в багровых тонах, что не могу слышать крика бабушки. Сердце мое трепетало в груди, словно крылья колибри, а ноги с жадностью глотали асфальт. Казалось, что каждый мой следующий шаг шире предыдущего, что мои ступни исчезли и стоит мне только захотеть — я оторвусь от собственной тени.

А еще я думал, что если никто меня не остановит, то все останется позади.

Дом. Бабушка. Вот что гнало меня вперед.

Скорее всего, это было до безумия глупо: думать так, уверовать в то, что стоит только физически дистанцироваться от моих проблем, и они начнут уменьшаться, как уменьшаются дороги и деревья в иллюминаторе, когда набирает высоту самолет. Но мне было девять лет, так что адекватно оценить нереалистичность своего плана я не мог.

Мне хватало легкости в груди, разраставшейся тем больше, чем быстрее я мчался.

Поскольку города я не знал, то и понятия не имел, куда несут меня ноги. Откровенно говоря, куда бежать — мне было почти без разницы. Я не приложил ни малейших усилий к тому, чтобы как-то освоиться в Санта-Хасинте за прожитые там дни, так что мне было

совершенно все равно: пусть хоть потоп — придет и все поглотит. Ну разве что хороших людей глотать не надо.

На самом деле бабушку я любил. Я боялся ее громоподобного голоса, это верно, и был почти на все сто уверен, что ее трость, точнее рукоятка трости в виде курицы, за мной следит, но это во-все не означало, что я ее не любил. Это была любовь ученика к учителю, что-то типа того. Бабушка казалась мне большой, просто гигантской, и страшной, зато отлично готовила — пальчики оближешь, и каждую ночь заботливо подтыкала мне одеяло, с того самого дня, как я к ней приехал.

Конечно же, я должен был заподозрить что-то неладное. Бабушка и в прошлые мои приезды не проявляла ко мне особой привязанности. Говорила что-то вроде: «Ну-ка, иди обними свою бабушку, а то придется думать, что твои родители вырастили не мальчика, а ослика», — а я просто очень стеснялся и не совсем понимал, чего же она хочет: чтобы я обнял ее, извинился или закричал ослом. И вот вчера, когда, уложив меня в постель, она поцеловала меня в лоб и потрепала по голове, все это как-то меня встревожило. И я потом всю ночь ворочался, крутился в постели, и ноги мои слегка подрагивали, требуя чего-то такого, о чем я еще не знал.

А утром все прояснилось.

Или, наоборот, навсегда запуталось, не знаю.

«Эшер, дорогой... твои родители...» — голос бабушки пробился сквозь шум моего лихорадочного дыхания, сквозь шелест деревьев, оставшихся позади, сквозь хруст сухих листьев под подошвами кроссовок. Я прибавил скорости, еще сильнее напряг мышцы, прижал к ребрам локти и задержал дыхание на несколько метров.

Когда деревья остались за спиной, а впереди что-то блеснуло, я притормозил. Хруст листьев сменился чем-то другим. Под ногами оказались черные кругляшки гальки, слегка влажные, и я бы точно влетел в воду по самую грудь, если б вовремя не свернул влево и не впечатал пятки поглубже в почву.

Жадно хватая воздух, я уперся руками в колени и стал оглядывать озеро. Я и не знал, что так близко от дома бабушки есть озеро, но, с другой стороны, совершенно не понимал, какое расстояние преодолел. Как бы я ни старался, тогда я не смог бы сказать ни куда именно я бежал, ни как долго.

— Блин, ты бегаешь быстрее льва!

Я резко повернул голову, потому что слегка испугался, хоть и не признался бы в этом ни за какие коврижки, и увидел девочку, примерно мою ровесницу: она сидела на берегу. Красное платье в цветочек задрано выше колен, ноги в воде. Альбом на коленях, карандаши в... Вообще-то карандаши были везде: в руке, за ушами и вокруг нее, разбросанные на гальке.

— Сам знаю, — ответил я, хотя при любых других обстоятельствах просто сказал бы «спасибо» и сразу же ушел. Хорошо еще, что я так здорово разгорячился от бега, что покраснеть сильнее было попросту невозможно.

— Сразу видно. — Она кивнула, словно ответ мой ни капельки ее не задел, и что-то на ее голове, отдаленно напоминавшее косички, угрожающе качнулось. Каштановые локоны хлестнули по щекам. — Ты — не местный.

Это было утверждение, не вопрос, и я ничего не сказал. Ответа она, впрочем, и не ждала.

— Я бы точно знала, кто ты, будь ты отсюда, — я всю жизнь хожу в школу и знаю всех одноклассников. И старшеклассников тоже. И даже малышню. Мы с Трин, это моя подруга, часто провожаем Джимми, ее братика, до самых дверей класса. Он вечно всего боится. К тому же плакса. Бабушка говорит, что маленький город — большой ад. А сколько тебе лет?

Я так увлекся ее тирадой, что не сразу почувствовал на себе пристальный взгляд. Дыхание мое к тому времени немного успокоилось, так что я разогнулся и, прежде чем ответить, слглотнул слюну.

— Девять.

— Девять? Ты уверен? Значит, мы с тобой одногодки! Но ты просто супермаленький. Я думала, тебе семь максимум. Если я встану, то буду выше тебя на пять пальцев как минимум.

Я отступил на шаг, она засмеялась.

— Ты чего, я вовсе не собираюсь вставать! Не бойся, тебе и не положено быть высоким, потому что ты — мальчик. Будь ты пониже, так бегал бы еще быстрее.

Это не имело никакого смысла, абсолютно, ну разве только если ты — Эммит Смит, но я опять промолчал.

— Почему ты плакал?

Я чуть не подпрыгнул.

— Ч-чего?

Девочка сморгнула и опустила глаза в альбом.

— Ничего.

Пользуясь тем, что она не глядит на меня, я потрогал щеки, они оказались влажными. Но я был уверен, что это не слезы, потому что я никогда не плачу. Я слышал, как мама говорила это своим подругам, когда...

Я помотал головой, чтобы вытрясти лишнее. В общем, так: я не плакал. Эта влага — или пот, или даже туман над озером. Ни в коем случае не слезы.

Я готов был уже развернуться на сто восемьдесят и уйти, только идти мне было вообще-то некуда, ведь вернуться домой, к бабушке, я пока что не мог, к тому же после бешеного бега, от которого меня охватил жар и гудели вены, я чувствовал себя... слабым. Вымотанным. Я вообще не представлял, что мое тело способно так долго бежать, меня ведь всегда считали неспортивным мальчиком. Годами учителя физкультуры вели себя со мной очень вежливо, зато одноклассники вечно потешались, что мне не дается ни один вид спорта. Я мог пару раз взять подачу, но мне недоставало роста, чтобы попасть даже в самую захудалую баскетбольную

команду. А ноги мне самому всегда казались слишком тонкими, чтобы играть в футбол, хотя я просто обожал смотреть эту игру по телику.

Я поглядел на свои ноги. Слишком худые и короткие, но все же они довольно быстро принесли меня туда, где я стоял, и что-то внутри приятно разлилось от этой мысли.

Может, я не всегда буду таким маленьким. Может, мне всего лишь нужно время, чтобы вырасти и стать таким же высоким и сильным, как мой...

Я судорожно вздохнул и вновь затряс головой.

— Хочешь посмотреть мои рисунки?

Ну и дела, я же отвлекся на пару минут и совсем забыл, что эта девчонка все еще здесь. Зато она обо мне не забыла.

Я, наверное, пошевелился, потому что она похлопала рукой по гальке возле себя, и тогда я, по какой-то странной причине, мне самому совершенно непонятной, сел рядом с ней. Девочка что-то весело щебетала, листая альбом с плотными страницами — белыми, нелинованными. Несколько раз на пару секунд она задерживалась на каких-то рисунках, небрежно роняя термины вроде «штриховка» и «пуантилизм», поясняя различие между «сепией» и «сангиной», а когда мне начинало казаться, что я уже почти врубился, она перелистывала страницу и все начиналось с нуля. Вот так — она говорит, а я слушаю — мы просидели около получаса, и все это время я думал, что будет в высшей степени невежливо ее прервать и сказать, что все ее пояснения пролетают мимо меня; ее очевидным образом просто распирало от энтузиазма. К тому же каждый раз, когда она откидывала с лица выбившиеся пряди волос, на щеках и скулах открывались черные и красные точки, и это зрелище вызывало во мне адскую смесь беспокойства и нетерпения.

Пока она что-то ворчала себе под нос, жалуясь на свою неудачу: сколько ни билась, так и не удалось передать «изящество» уси-

ков бабочки, — я извлек из кармана любимый носовой платок и протянул ей.

Она недоуменно уставилась на белый прямоугольник.

— У тебя лицо испачкано.

— Так я ведь художница!

Ну и какая здесь связь с испачканным лицом?

— Окей. — Я все еще протягивал ей этот кусочек ткани, а она все еще смотрела на меня как на полуумного. Встревоженный черным пятном, расположенным в непосредственной близости к ее левому глазу, я подавил вздох и вытер его сам.

В то мгновение, когда кончик моего мизинца случайно задел кончик ее носа, меня словно парализовало и одновременно пронзила мысль: откуда взялось это чувство, будто током ударило?

Я взглянул ей в лицо: она тоже смотрела на меня, широко распахнув глаза. Она тоже это почувствовала? Или просто думает, что я — какое-то редкое насекомое?

— Я...

— Ты носишь в кармане носовой платок, как взрослый мужчина. — Она прыснула и взяла меня за руку — ту, с платком. — Мне нравится. Очень красивый.

Это у меня от отца. Я слготнул. Да, как взрослый мужчина, так делал мой отец, я видел и ему подражал, потому что в моих глазах он всегда был образцом опрятности, с этим его безукоризненным пробором и великолепным галстуком, и я замечал, как заливалась румянцем моя мама, когда он доставал свой платок и...

В глубине моих глаз и где-то глубоко в горле возникло странное жжение. И вдруг она сказала:

— Слушай, давай ты положишь руку вот сюда, в эту ямку, и я сделаю просто гениальный рисунок. Что скажешь? Только не двигайся!

Чуть обалдев под воздействием странного, с головой накрывшего меня ощущения (и вовсе это не слезы, нисколечко) и неожи-

данного предложения девочки, я подчинился. И опустил руку с платком между нами, разместив ее в окружении карандашей и округлых камушков. Пока она лихорадочно искала в альбоме чистый лист, я успел несколько раз вздохнуть.

— Перспектива, которую я собираюсь использовать, называется боковой. Это значит, что мне нужно будет изобразить линию горизонта и две отправные точки, которыми, думаю, станут колени — твои и мои. Мне только будет нужно, чтобы ты... ну... Слушай, ты торопишься, тебе надо домой?

До тех пор я не отрывал взгляда от платка, но тут заморгал и посмотрел на девочку. Задумался над ее вопросом. Горло немножко отпустило, и я смог ответить:

— Нет.

— Отлично: намного лучше, если ты будешь сидеть тихо, не двигаясь, пока я не сделаю первый набросок, иначе получится ужас и кошмар, — заявила она с апломбом. — Ты не волнуйся, я по ходу буду рассказывать тебе все, что делаю, опишу весь творческий процесс.

Это должно было ввергнуть меня в пучину ужаса. Не по своей воле находился я в этом адовом городе, где мне некуда было пойти, рядом с незнакомкой, что так любит слушать саму себя и имеет весьма сомнительные представления о личной гигиене, не до конца понимая, каким образом я превратился в подобие модели для ее рисунков, в качестве которых даже не был уверен.

Мне бы просто подняться и уйти.

Я мог бы убежать в какое-нибудь другое место, чтобы побывать одному.

Но я следил за тем, как пальцы ее порхают над альбомом, как набрасывают прямые линии и круги, как она из ниоткуда достает линейку и начинает вымерять то, что ведомо только ей. В общем, уйти я уже не мог. Иначе бы я ее подвел: бросил в середине процесса, когда она с головой погрузилась в работу.

— Кстати, я — Лювия*, — сообщила она через какое-то время, в паузе между подробнейшими комментариями по поводу своего «творческого процесса».

Странное имя для странной девочки.

— А я — Эшер. — Поскольку я не хотел давать ей руку, чтобы она не измазала меня углем для рисования, или сангиной, или чем там еще, что сжимали ее пальчики, я всего лишь кивнул — надеяясь, что это сойдет за приветствие.

— Эшер? Значит, я могу звать тебя Эш? Как Эш Кетчум**?

— Нет.

— Но ведь у тебя даже бейсболка есть! Никаких сомнений: ты — Эш.

— У меня не... — Я скосил глаза и убедился, что на голове у меня на самом деле моя драгоценная бейсболка «Даллас Ковбойс». — У меня — синяя.

— Какая разница?

Какое-то время я с ней еще спорил, но скоро до меня дошло: что бы я ни сказал, толку не будет — эта девочка уже приняла решение звать меня Эшем, и точка. Потом мы снова начали пререкаться, потому что она была уверена, что я изменил положение руки с носовым платком, а я клялся и божился, что не делал этого, и в итоге ей пришлось переделывать базовые контуры или что она там делала.

Прошло два часа, но Лювия все еще не закончила черновой эскиз рисунка, а я к тому времени избавился от жжения в глазах и кома в горле. В общем, пока не скатилось за озеро солнце и не посвежел ветер, клянусь, я ни о чем не думал, слушая непрестанную болтовню Лювии.

Она продолжала рисовать. А я продолжал слушать.

* Лювия (исп. *Lluvia*, букв. «дождь») — нетрадиционное женское имя.

** Эш Кетчум (англ. *Ash Ketchum*) — главный герой аниме-сериала «Покемон».

Лювия

Десять лет спустя

Многие скажут, что худшее, что тебя ожидает при работе в цветочном магазине, — это возможная аллергия на пыльцу. Или что твоя кожа окажется слишком чувствительной и тогда тебе будет грозить беда всякий раз, когда порвутся перчатки и шипы или листья растения коснутся твоих пальцев. Или же, что вероятнее всего, ты сам уподобишься одному из тех чудиков, которые говорят исключительно о фотосинтезе или сезоне размножения пчел.

Ничто из этого перечня не является чем-то ужасным. Совсем нет. По моему скромному экспертному мнению, работа в цветочном магазине — это сплошные преимущества.

Например, среднестатистический житель Санта-Хасинты, в которой есть только один магазин данной специализации, имеет столь незначительные познания о цветах и растениях, что самым естественным образом представляет меня чуть ли не сапером: иметь дело с корнями, клубнями и пестиками — работа чрезвычайно деликатная, требующая концентрации военного. Следовательно, в этом помещении докучать мне никто не осмеливается.

Никто не звонит с просьбами о помощи.

Никто не приходит за разными услугами.

Но этого мало: в последнее время я осознала, что кое-что реально существующее от меня ускользает. Растения — живые существа, которым (это да) нужен уход, чтобы жить и цвести, красиво и пышно, но они тебя не обманывают. Если ты знаешь, как и что

делать, то они отвечают на это благодарностью и живут долго. Если ты за ними ухаживаешь, они не умирают.

А я вкладываю себя всю, целиком, до последнего атома, чтобы все порученные мне ящики с рассадой и цветочные горшки сияли и лучились собственным светом.

В общем, да, я обожаю этот кусочек нашего мира и поклоняюсь ему.

Если абстрагироваться от исключительного случая, когда что-то с габаритами космической ракеты, покружив, припарковывается аккурат перед оранжереей экзотических растений... или Отделом Малых Ростков, ОМР, как мы с бабушкой ее называем.

Когда старенькие рамы с освинцованным остеклением начинают позывкливать, а подвесные кашпо — раскачиваться, я со спринтерской скоростью мчусь к ростку фиттонии, за которым ухаживаю с таким рвением, словно он пробился изнутри меня самой. Обвиваю горшок руками, ощущая каждый из великолепных, пронизанных жилками листочков, и думаю о том, как долго я мечтала украсить этим растением букет для сеньоры Филлипс. Фиттонии для Филлипсов. Ну да, звучит претенциозно. Возможно, слишком прямолинейно. Но вот Пачамама, суперанонимная авторка супербестселлеров, трехкратная лауреатка премии «Вершки и корешки» журнала «Сад, открытый всем», утверждает, что существует космическая связь между именами людей и названиями цветов.

Вот меня зовут Лювия, и люди уверяют, что я способна оживить любое умирающее растение. Сказав «люди», я, разумеется, имела в виду свою бабушку и «Дамский клуб цветущих пятидесятилетних» (основанный в те времена, когда я была еще в пеленках, так что сегодня это название уже явно неактуально, однако мы все притворяемся, что члены клуба вовсе не разменяли седьмой десяток).

Вибрация приводит к тому, что всё должным образом не закрепленное начинает шататься. Боковым зрением я вижу, как съез-

жает к краю рабочего стола пакет из мешковины. Закрываю глаза и представляю рассыпавшиеся гранулы удобрения, которые мне же придется убирать. Но — позже, когда выясню, как там бабушка.

Этой женщиной я восхищаюсь и люблю ее всем сердцем, в чем могу поклясться перед судом, если потребуется, но быть ее внучкой порой очень непросто. То есть очень непросто быть внучкой Джойс Клируотер и выносить все, что из этого следует: ее весьма специфические *хобби*, не менее специфические диеты и весьма специфических друзей. Наибольшую опасность из них представляет, без сомнения, Атланта Стоун.

Но поскольку я тоже, как мне кажется, человек весьма своеобразный, чем и горжусь, то меня редко смущают вещи, происходящие в этом маленьком уголке нашего города.

Вибрация прекращается ровно в ту секунду, когда резко, одним рывком, распахивается задняя дверь оранжереи. Она ведет в магазин, открытый для посетителей с понедельника по субботу. Оранжерею от него отделяет только двухметровая комнатушка, где каждый, кто решится заглянуть в ОМР, должен пройти процедуру полной дезинфекции.

Я с превеликой осторожностью отлипаю от своей драгоценной фиттонии, убедившись в том, что ни один листочек на ней не сломался.

— Любия, дорогая! — Покачивая худыми бедрами, ко мне между рядами алюминиевых столов движется бабушка. Хотя работа с рассадой не входит в круг ее обязанностей, на голове у нее бейсболка, на руках — рабочие перчатки. — Я так ждала этот день!

Я ей улыбаюсь, проходя мимо, моя цель — швабра и совок. Бабушка семенит вслед за мной, сцепив руки. Отмечаю следующее: что бы ни послужило причиной ее возбуждения, это что-то привело к тому, что своей любимой ярко-красной помадой она подвела лишь верхнюю губу.

Такая забавная.

— День, когда Калифорнию тряхнет землетрясение в пять баллов?

— Земле... землетрясение? — Она в полной растерянностиглядит на меня. — О чём ты... А-а-а! Ты имеешь в виду эти легкие колебания?

— Ну да... — Я энергично шурью шваброй, благодаря всевышнего за чистоту всех наших помещений. Почти все просыпанные удобрения можно будет использовать. — Эти «легкие колебания».

Взрыв смеха бабушки. Возможно, эти звуки мне не следует принимать за смех, потому что я никогда в жизни не слышала, чтобы она повышала голос выше минимального уровня. Приходилось ли ей плакать, смеяться или злиться (что вряд ли когда-либо имело место), она всегда вела себя так, как будто участвует в чаепитии. Ежесекундно. С кем угодно.

Она так очаровательна, что даже помощники шефира не способны наложить на нее штраф за использование погрузо-разгрузочного устройства в личных целях.

— Я просто умираю — так мне хочется тебе его показать, — вздыхает она, похлопывая меня по плечу. — Слишком долго держу язык за зубами.

В притворном изумлении я поднимаю брови. Не могу сказать, что в последнее время я не замечала участившихся смешков и многозначительных взглядов с ее стороны, словно она чего-то ждет, как будто вот-вот прозвучит выстрел из стартового пистолета и она тут же сорвется с низкого старта и изо всех сил ринется вперед. Конечно, моя бабушка не бегает. Она передвигается быстрыми шажками.

— Что, одна из твоих суперидей? — спрашиваю я.

Бабушка слегка хмурится.

— И Атланты. Черновой набросок был мой, это я признаю, но в окончательном виде творение принадлежит нам обеим.

В лучшем случае подобные утверждения — небольшое преувеличение. С тех пор как Клируотеры и Стоуны стали соседями — наши участки идут друг за другом, — все жители Санта-Хасинты отлично знают, что зачинщиками всегда являемся мы, Клируотеры. Стоуны обычно плетутся в хвосте, устранивая последствия бедствия или же, в отдельных случаях (как совершенно исключительный случай моей бабушки и Атланты), соглашаясь на роль наших скромных приспешников.

Так повелось с тех самых пор, когда в 1850 году Гертруда Клир-уотер заявила, что на берегах Голден-Лейк полным-полно золота (отсюда и пошло столь неудачное название озера). Следствием этого утверждения стали неконтролируемый приток золотоискателей и тревожный рост преступности, в том числе убийств, что и привело к необходимости открыть офис шерифа, первым единогласно избранным главой которого стал, разумеется, не кто иной, как Джереми Стоун. Нечего и говорить, что во всем городке так и не было найдено ни крупицы золота.

Если взглянуть на все это со стратегической и исторической точек зрения, Стоуны никогда не смогли бы занять столь значительное место в Санта-Хасинте без помощи Клируотеров.

О, не стоит благодарности.

— Что-то я не припомню такого, чтобы хоть одна твоя идея мне не понравилась, — вру я.

Оглушительные звуки прокатываются по окрестностям. Проходит пара секунд, и я узнаю мелодию. Это краткая, режущая слух версия «Кукарачи».

Когда я снова смотрю на бабушку, ее щеки горят таким жарким румянцем, что на них можно поджарить яичницу.

— Чем бы ни было вызвано это мини-землетрясение... нас, кажется, позвали?

— О, моя дорогая. Ты будешь в восторге.

Эшер

Пронзительный звук повторяется не меньше четырех раз, после чего я не выдерживаю и подхожу к окну. В этом районе никого не удивишь внезапной громкой музыкой или странным шумом. То кудахтанье куриц, и это при том, что в округе нет ни единой фермы, то вдруг рок на максималках, то полицейские сирены машин, спешащих расследовать какие-то странные происшествия... В общем, это одна из фишек и удовольствий жизни на улице Хазард-стрит города Санта-Хасинта.

И основная причина того, что здешнее жилье расходится по бросовым ценам.

Натягиваю чистую майку и, толкнув раму вверх, открываю окно. Горячий, напоенный ароматами воздух врывается в просто-явшую взаперти десять с лишним месяцев комнату. Черт, как же приятно ощутить вечерний бриз на влажных волосах! Добравшись сюда, я первым делом встал под душ, чтобы смыть с себя пот после нескольких часов в автобусе, аэропорту и самолете... и сделал серию упражнений, решив размяться: колени вконец онемели после долгой неподвижности в чертовой тесноте. Любой разумный человек скажет, что авиакомпании в XXI веке уже давно должны задуматься о людях роста выше среднего, но не тут-то было. А я и не слишком высокий. Всего-то метр девяносто.

На самом деле чудики из моей команды официально окрестили меня Пеке*.

* Пеке (исп. *Pequé*) — имя, под которым известен испанский футболист Жерар Фернандес Кастельяно (*Gerard Fernández Castellano*; р. 04.10.2002).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru